

не проговорился о Братолюбове: его жена ожидает возвращения...

В этот же день, 4 октября 1919 года, по прямому проводу Акашев сообщил начальнику авиадарма Сергею: «Военный летчик Московского отряда Кудрин с фуражиром Зайцевым вернулись живыми, но здорово избитыми...»

А Братолюбов и Герасимов не вернулись. Позже Минин и Горелов, оставшиеся в живых, рассказали о их гибели.

Вылетев из Курбатова, Юрий Александрович и Сергей быстро отыскивали колонну вражеских войск, сбросили на них бомбы и обстреливали пулеметным огнем. Случайная пуля с земли перебила одну из клапанных тяг мотора на самолете Братолюбова. Тяга ударила по капоту и разорвала его. Часть капота встречным потоком ветра бросило под винт, который разлетелся в мелкие щепки и повредил верхнее крыло. Другая часть капота повисла на несущих тросах самолета. Мотор тоже был поврежден.

Благодаря усилиям Братолюбова «Сообщик» кое-как держался в воздухе. Юрий Александрович старался отойти от неприятеля. И это ему удалось. Командир выбрал площадку и посадил машину. Герасимов не мог бросить командира в беде. Он тоже сел, чтобы взять Братолюбова к себе на борт. Но при посадке подвернулось колесо, и обе машины оказались беспомощными. Они уже не могли взлететь. К самолетам бросились конные казаки. Всех четверых авиаторов схватили, отправили в Харьков и бросили в тюрьму. Братолюбова, как бывшего офицера, и Герасимова, выходца из дворян, расстреляли «за измену России».

Минин и Горелов спаслись. Адъютант нашего отряда Григорьев, ставший впоследствии начальником штаба ВВС, познакомился с документами по расследованию убийства Братолюбова и Герасимова и рассказал мне о геройском поведении красных летчиков. Они мужественно вели себя на допросе, суде и во время расстрела.

* * *

Вскоре наш отряд выехал в Москву для переформирования.

ПОВСТАНЦЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ¹

В 1918 году украинские шовинисты в лице Центральной рады продали Украину немецкому кайзеру, а в 1919 году через своих «батеков» — атаманов и разного рода бандитов — разрушили тыл молодой Красной Армии и тем самым подготовили продвижение денкинцев. Один из примеров тому — нападение банд Ангела и Пятайко, действовавших в Трипольском районе, на наш 6-й Заднепровский полк, отступавший под напором денкинцев.

Вместе с другими коммунарами, эвакуированными с занятой белыми территории в последних числах августа 1919 года, я прибыл в распоряжение ЦК КП(б)У. Мне предложили связаться с Революционным советом повстанческих советских войск Левобережной Украины, возглавляемым товарищем Колосом. Там же, в конспиративном штабе Революционного совета, находившемся в Киеве, я встретил многих знакомых товарищей, которые тоже готовились к работе в подполье.

Перед отправкой в тыл товарищ Колос собрал нас на совещание. Он сказал, что почти по всему Левобережью Украины организованы подпольные партизанские штабы, связанные с законспирированными партийными организациями. В Ново-Московском районе, например, действующий отряд уже насчитывал до двух тысяч бойцов; в лесах Кобелякского района при штабе отряда имелась своя типография, выходили газета, листовки; в Манелевском районе был организован склад военного снаряжения. Центральный штаб повстанцев Левобережья находился в

¹ Впервые под заголовком «Из истории гражданской войны на Екатеринославщине» опубликовано в журнале Истпарта Украины «Летопись революции» (№ 2, 1926, стр. 51—59). Печатается в сокращенном виде.

селе Белошапки, Припятинского района, Полтавской губернии.

Перед нами стояла задача установить связь с действующими отрядами и создать новые повстанческие формирования. Особое внимание обращалось на взаимоотношения с другими партиями. Председатель Реввоенсовета подчеркнул, что с борьбистами и боротьбистами, в частности, необходимо устанавливать контакт, идти с ними единым фронтом против денкинцев, вести в их военных организациях активную пропагандистскую работу, добиваясь полного подчинения нашему командованию.

— С махновцами, — сказал товарищ Колос, — никакой связи не держать. Старайтесь всякими способами оттягивать от них революционные элементы. Только в исключительных случаях, выгодных для нас, можно принимать участие в совместных боевых действиях.

В заключение нас познакомили с тактикой партизанской борьбы во вражеском тылу и снабдили всем необходимым — географическими картами, деньгами, шифрами и адресами явок.

Затем некоторые участники совещания, в том числе и я, были назначены командирами бригад повстанцев, действовавших в тех районах, где каждого из нас знали по борьбе с гетманщиной в 1918 году и где у нас была прочная связь с крестьянской беднотой. Лично я получил назначение в Екатеринославский район с резиденцией в селе Елизаветовка Ново-Московского уезда, товарищи Покус — в Полтавский, Успенский — в Харьковский, Зубенко — в Александровский районы. К нам был прикомандирован еще целый ряд товарищей.

Когда все было готово, мы выехали на пароходе «Терек» вместе с Реввоенсоветом повстанческих войск Левобережной Украины и его штабом, отправлявшимися вниз по Днепру с целью организации оружейных баз для восстания.

В пути штаб налаживал связь с местными работниками, конспирировал лодки, создавал тайные склады оружия. Постепенно высаживались группы товарищей для отправки в тыл противника. Первым в Ржищеве высадились подпольщики во главе с товарищем Христычем.

Мы с товарищем Покусом оставили борт парохода в районе Переяслава и, пользуясь ночной темнотой, направились к месту назначения. Подходя к Каневу, узнали,

что в городе свирепствуют погромщики — не то махновцы, не то иетлоровцы. В такой обстановке можно было ожидать всяких случайностей, поэтому мы спрятали свою секретную пошу.

Не успели мы пройти двух кварталов, как увидели жуткую картину избиения евреев. Покус вступился за беззащитных людей, и, конечно, нас арестовали и конвоировали в штаб атаманов Пятенко и Онишки. Вскоре, однако, банда, не достигшая соглашения с денкинским командиром бронепоезда, завязала бой. Потерпев поражение, она отступила. Воспользовавшись этим замешательством, мы бежали из-под стражи.

Шли босые, в крестьянских рваных капелюхах, в грязных мужицких сорочках, я — с торбой, веревкой и кнутом, а Покус — с вилами на плече. При малейшей опасности сворачивали с тропинок и прятали узелки с картами, документами и деньгами. Встречных крестьян, стражников и денкинских урядников расспрашивали, не понадалась ли им «рябая корова с поломанным рогом». Ночевали в сметах соломы, питались тем, что подавали сердобольные люди.

Весь путь был полон приключений и трудностей, но мы все-таки благополучно добрались до Кременчуга, где рассчитывали связаться с подпольной организацией и получить необходимую информацию. Однако нам не удалось установить связи: явка была неверной или проваленной.

На городской площади генерал Дроздов проводил парад, и мы решили послушать, что говорит своим солдатам этот денкинский военачальник. Он называл их орлятами, самодовольно перечислял успехи белой армии на фронтах и предсказывал взятие Москвы в скором времени и ликвидацию Советской власти.

Возвратно убедившись, что враг не дремлет, мы расстались: товарищ Покус направился на Полтавщину, а я — в свою резиденцию. 15 сентября прибыл на место назначения — в село Елизаветовка, где меня уже ждали местные работники, а также некоторые товарищи из прикомандированных штабом повстанцев и курьеры связи.

В первые дни я занимался подготовкой конспирации и собиранием информационных сведений, необходимых для работы. Затем мы созвали районное совещание — конференцию, где присутствовали и местные товарищи:

из Обуховски — Половой, из Николаевки № 2 — Письменный, из Поповки — Скрипник, из Баловки — Шварц, из Елизаветовки — Данченко и Бажан, из Новоселовки — Перепелицын и Доценко. Мы избрали райревком, на который возлагалось ведение агитации за борьбу с Деникиным и подготовка вооруженного восстания.

Потом организовали штаб бригады во главе с товарищем Непокрытым. Начальником оперативного отдела был назначен Скачко, начальником снабжения — Бажан, начальником связи — Данченко, адъютантом — Толстопятков. Вслед за тем связались с действующими отрядами Дикого, Орленко, Никитина, Милобоги и других товарищей, выделили ударную группу, подрывную команду, возглавляемую Перепелицыным. Екатеринославский губервком подтвердил мое назначение, и я издал первый приказ о том, что повстанческие советские отряды, действующие в этом районе, переходят в мое подчинение.

Следует заметить, что некоторые отряды организовались стихийно. Борьба за руководство ими велась между петлюровцами, борьбистами, боротьбистами, махновцами и эсерами, поэтому подчинить эти отряды нашему руководству было не так легко.

Районные ревкомы и штаб бригады начали вести усиленную работу по подготовке восстания: вербовать бойцов, изыскивать оружие для них. Обстановка складывалась благоприятно: гнев крестьян, вызванный дикими репрессиями деникинских карательных отрядов, рос не по дням, а по часам. Белогвардейцы наказывали людей за участие в дележе помещичьего имущества, за сочувствие Советской власти и повстанцам, за службу в Красной Армии. Неопишущим издевательствам подвергались целые села. Поэтому естественно, что после налета деникинцев достаточно было появиться нашему организатору, и готовы целые подразделения — давай только оружие.

В последних числах сентября в одном из приказов товарища Колоса говорилось о продолжающемся наступлении деникинцев и тяжелом положении Красной Армии. В связи с этим командующий повстанческими войсками потребовал от нас не щадить своих сил, удешевить энергию, немедленно выделить ударные группы от пяти до двадцати пяти человек для разрушения вражеской связи, взрывов складов, налетов на базы снабжения

противника, штабы, на местные органы антинародной власти и готовиться к общему выступлению.

Во втором приказе Колоса повстанцам предлагалось принять все меры, чтобы воспрепятствовать переброске войск белогвардейцев и доставке снабжения на фронт — взрывать железнодорожное полотно, жечь эшелоны. В то же время категорически запрещалось взрывать большие днепровские мосты.

Чувствовалось, что положение серьезное, и наш революционный долг состоит в том, чтобы, не жалея сил и самой жизни, нанести противнику как можно больше ущерба. С этой целью решили отвлечь белогвардейцев от главного красного фронта путем стремительных налетов, уничтожения карательных отрядов, установления застав на главных дорогах и захвата вражеских доносчиков. В освобожденных селах организовывать из лучших повстанцев ревкомы, добывать оружие, копить его на складах и готовиться к общему выступлению.

О принятом решении мы немедленно сообщили в Реввоенсовет повстанческих войск Левобережной Украины. Сами же приступили к выполнению намеченного плана. В этот период особое значение имели надежная связь и своевременная информация. Надо сказать, что контрреволюции не удалось воспрепятствовать нашему общению с действующими отрядами и местным населением. Гораздо труднее было поддерживать связь с главштабом, который находился в селе Белошанке, Полтавской губернии, и с отрядами, действовавшими за пределами нашего района. Это стоило нам немалых жертв. Связными работали самые надежные и развитые товарищи. С пилой, топором, узелком соли или с поросенком в мешке они спускались по всей округе. Не меньше трети их погибло, так как белые арестовывали всякого, кто казался подозрительным, и после пыток расстреливали.

В Кобеляках находилась типография Реввоенсовета повстанческих войск. Было выпущено пять или десять номеров газеты «Большевик» и десятков пять воззваний, сыгравших большую роль в деле пропаганды и агитации среди местного населения. После провала типографии воззвания и декларации стали выпускаться кустарно — в каждом штабе. И все-таки они достигли своей цели: воодушевляли крестьянские массы, сообщая им о действиях подпольных организаций и повстанческих отрядах.

Хуже обстояло дело в области политического воспитания некоторых групп повстанцев и партизан. Дело в том, что вместе с бывшими красноармейцами, оставшимися по каким-либо причинам в тылу, с рабочими бездействовавших заводов, со всеми пострадавшими от деникинщины к нам проникали бандитские элементы. В результате отряды получали политическую окраску в зависимости от убеждений своего руководителя. Немало мешали нашей работе махновцы, эсеры, а иногда и боротьбисты.

Организационная форма строилась применительно к регулярной Красной Армии. Оружие добывалось каждым отрядом самостоятельно, тем самым проверялась их боеготовность.

В последних числах октября 1919 года к нам прибыл член Реввоенсовета повстанческих войск Левобережной Украины и начальник штаба товарищ Железняк-Евпичий (боротьбист). У него были полномочия на реорганизацию и объединение наших и боротьбистских отрядов во главе с Матяшом, Огием и Лисовиком, перебравшимися с правого берега Днепра.

В это время Махно наступал на Екатеринослав. Нам было приказано ударить по деникинцам с левого берега и продвигаться на Амур — Нижне-Днепровск, откуда обрушиться на деникинский тыл.

Махно вступил в Екатеринослав с юга, и мы оттянули наши отряды с участков, занятых им, и двинулись на север. Цель оставалась прежней: ударить непосредственно по тылу армии противника. Выполняя эту задачу, мы создавали ревкомы в освобожденных селах и небольшие отряды для их защиты от деникинцев. Так, например, уходя из Петриковского района, мы оставили до пятисот местных повстанцев, в большинстве пожилых людей.

Это были настоящие территориальные части. Селяне жили на казарменном положении: работали в своих хозяйствах, вели разведку и держали с нами связь. Узнав, что к их населенному пункту движется карательный отряд, они объявляли тревогу и организовывали сопротивление. С большими силами противника поступали иначе: посылали стариков навстречу белым с хлебом-солью и говорили, что «були якісь сукини сини з винтовками та ушли в ліс». А ночью обезоруживали карателей. Деникинцы, которым удавалось бежать, поднимали панику,

будто повстанцев больше тысячи. Позже в эти села каратели, как правило, боялись заезжать и ограничивались обстрелом из орудий.

Наша группа войск вошла в 1-ю повстанческую дивизию Кручковского, в которой имелось до трех тысяч бойцов, четыре орудийные батареи и достаточное количество пулеметов, однако снарядов и патронов не хватало. Я был назначен военкомом дивизии.

В бою за село Чатычалка мы разбили казачий кавалерийский полк и направились на Маячку. Завязались схватки с 6-й офицерской бригадой и 1-м кубанским кавалерийским полком. Оттеснив противника, наша дивизия взяла направление на Старые Санжары и Полтаву. После непродолжительного боя, в шесть часов утра 13 декабря, мы заняли Полтаву и встретились с 41-й дивизией товарища Саблина.

Я заболел тифом и остался в городе. Кручковский же получил новое задание и повел повстанцев на юг, вслед за отступающими деникинскими частями. Один за другим освобождались от белогвардейской неволи уездные города. Повстанческая бригада Клименко заняла город Кобеляки, куда прибыли бригада Огия и особая 9-я кавалерийская бригада Красной Армии. Из Кобеляк наши отряды вместе с регулярными войсками получили приказ двигаться на Кременчуг, который вскоре деникинцы вынуждены были оставить.

На основании приказа товарища Колоса повстанческие отряды влились в регулярную армию. Приводим выдержки из приказа по красным повстанческим советским войскам Левобережной Украины:

«Вы, сыны трудовой семьи, перенесли на своих плечах всю тяжесть кошмарной авантюры расщепившихся... золотопогонников. Вы, очевидцы всех зверств и насилий, учиненных деникинскими бандами, видели, как висели по улицам трупы ваших братьев, как расстреливали, убивали и насильничали ваших отцов, братьев, жен и сестер, как жгли и грабили хижины бедняков, как избивали щомпалами и плетками крестьян и рабочих и как, видя все это, ликовали помещики, кулаки, спекулянты и прочая свора... а нас мобилизовали и послали на фронт сражаться против ваших же братьев.

...Вы подняли красное знамя восстания и стали, кто чем мог, уничтожать всю эту сволочь... Теперь вы встречаетесь с регулярной Красной Армией...

Товарищи красные повстанцы! Вы доблестно выполнили свой революционный долг... Для окончательного закрепления власти рабочих и крестьян, т. е. Советской власти, наша основная задача — всем, как один, вступить в ряды регулярной Красной Армии, под единое командование. А посему приказываю:

а) При соединении с регулярными красными частями переходить в полное подчинение командования регулярной Красной Армии и беспрекословно выполнять все его приказы.

б) Все вооружение и имущество передавать по описи полностью.

в) Об исполнении донести в штаб повстанческих советских войск Левобережной Украины, г. Кременчуг».

За время партизанской войны (с сентября по декабрь 1919 года) мы задолжались перед крестьянством, так как снабжение наших отрядов производилось (если исключить добровольные пожертвования, конфискацию у кулаков, а также трофеи) в кредит, по подпискам. После соединения с Красной Армией перед Реввоенсоветом повстанческих советских войск был поднят вопрос об уплате по нашим счетам крестьянам, а также о выплате жалованья повстанцам. Всеукраевком, а затем Совнарком удовлетворили эту просьбу.

ДАГЕСТАН В ОГНЕ¹

В середине августа 1919 года население нагорной части Дагестана, за исключением Аварского округа, восстало против господства Деникина. Казачьи отряды были частью обезоружены, частью уничтожены. Все попытки восстановить положение кончились для руководителей белогвардейского движения неудачей.

Деникинские банды, в состав которых входило контрреволюционное дагестанское офицерство во главе с генералом Халиловым, отказались от дальнейшего наступления и приняли оборонительную тактику.

Однако поражение на боевом фронте еще не знаменовало собой окончательной ликвидации контрреволюции. В скором времени в лице так называемого «горского правительства», субсидированного азербайджанской и грузинской буржуазией, она вновь подняла голову. Кстати, существование этого правительства оказалось очень непрочным, так как на дагестанской политической арене появился турецкий офицер Казим-бей, который установил систему самого безудержного террора. Его сменил другой авантюрист Нури-паша.

Между прочим, будет не лишним заметить, что Нури-паша пытался войти в связь с революционным Советом обороны, находившимся тогда в селении Леваша. Перед своим появлением в Дагестане он сумел создать впечатление человека, предрасположенного, если можно так выразиться, к восприятию большевизма, идейного защитника родного ему по вере мусульманского населения.

¹ Впервые под заголовком «Гражданская война в Дагестане» опубликовано в журнале «Новый Восток» (кн. 3, 1923). Печатается в сокращенном виде.